

Тер-Саркисянц и др. 1993 – Тер-Саркисянц А.Е., Худавердян В.Ц. Армянская диаспора Юга России: Положение и перспективы. М., 1993.

Турьялай 2002 – Турьялай С. Непрошенных мигрантов будут выдворять по закону // Комсомольская правда. 2002. 23 марта. № 52.

K.V. Korikyan. Problems of Adaptation and Integration of Armenian Migrants in the Krasnodar Region

The author examines the political, legal, and social framework of adaptation and integration of Armenian migrants in the Krasnodar region. Although the current economic situation appears to be favorable to the process of integration of migrants, mechanisms of social acceptance, the author argues, are malfunctioning and xenophobia is presently marking both the political discourse and the public opinion. The premise of the local migration policy, according to the author, is the idea that the presence of migrants in the region infringes on the rights of permanent residents; consequently, a variety of means conducive to the social exclusion of Armenian migrants are used by the local authorities. At the same time, the author argues, the Armenian migrant population is not homogenous; groups differ in respect to their origin and cultural traditions – some came not from Armenia, but from Azerbaijan or Georgia where they tended to use the Russian language. Therefore, the author holds, the issue of adaptation of Armenian migrants in the region is not one of actual cultural clash, but one of social recognition.

© ЭО, 2006 г., № 1

Е.Ю. Фирсов

РОССИЙСКИЕ АРМЯНЕ И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

В центре внимания автора статьи российская армянская диаспора (*спюрк*). До сих пор опубликованные работы остаются разрозненными фрагментами в ненаписанной общей картине жизни российских армян. Исследователи подходят к проблеме армянской диаспоры с разных точек зрения, и каждый подход включает в себе характерные искажения этой картины. Мы рассмотрим здесь основные направления изучения *спюрка* в современной литературе.

История и этнология. Вышедшая в 1993 г. книга Ж. Ананяна и В. Хачатуряна “Армянские общины России” начинается с фразы: “Армяне принадлежат к числу тех редких народов, чья *история* развивалась не только в собственной стране, но и за ее пределами” (курсив наш. – Е.Ф.). Для авторов органичность прошлого в настоящем, географии в человеческой ментальности очевидна и естественна: “Армяне, независимо от того, в каком регионе мира они ни находились бы, продолжали жить как единая нация, сохранили цельность национального духа, свою самобытную культуру и нравственные устои” (Ананян и др. 1993: 3). Чтение работы погружает нас в пространственно-временную непрерывность истории рассеяния, отражая концепцию, быть может, привлекательную, но в действительности обманчивую.

За последние 20 лет издано несколько книг, в которых последовательно проводится подобная историческая идеология (Погосян 1981; Амирханян 1992 и др.; собственно географический аспект мы выведем за рамки рассмотрения). Они легко входят в научную традицию – о *спюрке* чаще всего пишут сами армяне, выросшие в атмосфере преклонения перед прошлым своего народа. Неудивительно, что “историчность” подхода стала своего рода отличительной чертой и этнографических трудов. Пример этого –

Евгений Юрьевич Фирсов – аспирант кафедры социологии Гарвардского университета (г. Кембридж, США).

работа А.Е. Тер-Саркисянц (1998). Глава книги, посвященная российским армянам, состоит из хронологических описаний локальных “общин”. Там, где автор опирается на собственные полевые исследования, она проявляет большее внимание к современности, при описании других групп недостаток современного материала восполняется историческими фактами. В монографии Тер-Саркисянц структуры разделов, посвященных общинам Астрахани, Москвы, Молдовы, Санкт-Петербурга и Средней Азии, однотипны: первые известия о появлении армян в рассматриваемом регионе, основные миграции в прошлом, общинная деятельность, имена известных предпринимателей, ученых, людей искусства, живших в разные эпохи, причем “неорганизованное” существование диаспоры после революции почти никак в тексте не отражается. Точно так же автор подходит и к постсоветским реалиям¹: в книге приводятся названия и время открытия новых церквей, возникновение общинных организаций, газет, культурно-просветительских обществ. Таким образом, научное описание превращается в своеобразный путеводитель, главные цели которого – передать “справочную” информацию, ориентировать читателя в “этническом пространстве”.

В подобных работах, помимо решения научной задачи собирания и публикации исторических фактов, очевидно стремление, представив диаспору в историческом контексте, разрушить миф о безродном и бесправном армянине-пришельце. Поэтому характерна последняя фраза книги Ж. Ананяна и В. Хачатуряна: “Когда повсеместно в армянских общинах происходит рост национального самосознания /.../ наш краткий очерк истории армянских поселений России призван удовлетворить соответствующий интерес армянского и не только армянского читателя” (Ананян и др. 1993: 116).

Позитивистская хронология не исчерпывает эвристического потенциала исследования прошлого. Концентрация внимания на событийной истории локальных групп приводит к невозможности описать всю армянскую диаспору как макросистему. А раз так, примордиалистский подход к этническим явлениям остается не доведенным до логического конца, и общая картина армянского мира в рассеянии не возникает. Факты, имена и даты не достаточны для понимания истории – они лишь прячут спорность имплицитного онтологизма авторов в разрозненных свидетельствах минувших эпох.

Неслучайно поэтому обращение других исследователей к попыткам построения общих теорий. Так, Э. Мелконян (2000) ставит задачу уточнить понятийный аппарат исследований этнических меньшинств с помощью разноуровневой типологизации, в основе которой – характер отношений с “материнским этносом”. Тип группы определяется экономическими, религиозными или политическими обстоятельствами выезда с исторической родины. На высшую ступень Э. Мелконян помещает общность, возникшую в результате тотального насильственного изгнания из-за этнического происхождения, называя такой тип общины, по аналогии с еврейским рассеянием, *диаспорой*. В отличие от других меньшинств, “диаспоры”, по мнению автора, поддерживают этнокультурную идентичность “экстравертными” (по отношению к “этносу”) политическими средствами, призванными заставить мир признать несправедливость, совершенную по отношению к пострадавшему народу.

В истории армянского рассеяния были, по мнению Мелконяна, все типы миграций. До I Мировой войны, несмотря на постоянный выезд армян с родины, их контакты с основным этническим массивом не обрывались, а миграции лишь изредка бывали насильственными. Эти старые группы армян-мигрантов принципиально отличались от еврейской диаспоры. Массовая же эмиграция армян на запад в эпоху геноцида имела большое сходство с исходом евреев в I в. н. э. Это дает Мелконяну “основания для отнесения к единому типологическому ряду как саму эмиграцию этих народов, так и образовавшиеся в ее результате этнические меньшинства – еврейскую и армянскую диаспоры” (Там же: 18). Именно геноцид, по его мнению, создал армянскую диаспору, которая затем включила в себя и старые “недиаспорные” меньшинства.

Теоретическое построение, в фундамент которого положено сравнение двух принадлежащих столь разным эпохам событий, еврейского и армянского исхода, приравненных только на основании двух характеристик – их связи с геноцидом и насильственным изгнанием, – нам кажется сомнительным. По Мелконяну, если люди бегут от этнического насилия, то они образуют по-настоящему мобилизованную диаспору. Если же они покидают имущество и разрывают социальные связи, спасаясь от голода или по политическим мотивам, то их ностальгия слабее, а потомки быстрее теряют этничность в силу принадлежности не к “высшему” уровню этнических меньшинств, а к одному из “низших”.

Стремясь разработать научное понятие и сохраняя внешнюю объективность, автор – житель Армении – избирает для исследуемого явления, армянской диаспоры, как раз ту трактовку, которая оказывается востребованной на его постсоветской родине, охотно признавшей “старые” западные общины и с особой болью переживающей эмиграцию 1990-х годов. В статье не упоминается о современности, а ведь теория, претендующая на всеобщность, должна объяснять и современные факты. По логике Мелконяна, к “настоящей” армянской “диаспоре” в Российской Федерации мы должны были бы отнести армян Северного Кавказа (например, амшенцев), значительная часть которых появилась здесь после геноцида, а также беженцев из Сумгаита и Баку. Между тем, ни о какой “этнополитической жизнедеятельности” такой “диаспоры” ни сегодня, ни в обозримом будущем речь не идет. При этом под определение Мелконяна не попадают экономические мигранты из Армении и Карабаха, а ведь именно они ставят сегодня вопрос о сохранении этнической культуры в рассеянии, и именно к ним присоединяются в поисках сохранения или (ре-)конструирования своей этничности те же амшенцы и бакинцы (Фирсов, Кривушина 2004). Умолчание Мелконяна об армянских беженцах из Баку становится еще более красноречивым, если мы вспомним о сложном отношении к ним в Армении. Для многих армян собственно Армении (*хайастанцев*) азербайджанские собратья – это почти не армяне, и уж тем более не “почетная” диаспора дальнего зарубежья. Неслучайно для выходцев из Азербайджана “историческая родина” часто становилась лишь временной остановкой на пути движения в более гостеприимную Россию.

Память о геноциде давно уже – достояние исторической памяти *всех* армян. “Этнополитическая жизнедеятельность” локальных групп не зависит от обстоятельств их появления – апелляция к страшным и героическим событиям истории сходна для них всех. Свообразным ответом Э. Мелконяну со стороны “настоящей” диаспоры можно назвать статью американского армянина Х. Декмеджяна, начинающуюся с фразы: “Появление диаспор в течение армянской истории было следствием деструктивных воздействий на родину с ранних времен” (Dekmejian 1997: 413–414). По мнению автора, волна переселений эпохи геноцида не является исключением: она встает в один ряд с экономическими кризисами, завоеваниями, религиозными преследованиями и пр. Необычной оказывается скорее современная добровольная экономическая эмиграция (подробнее см.: Фирсов 2002).

Авторы рассмотренных работ, несмотря на различие трактовок, едины в главном: изучение прошлого является важным элементом постижения настоящего. И все же в этих текстах, несмотря на спорность подобного исторического подхода к современным этническим проблемам, нет националистической риторики и агрессии. “Сконструированная” история оказывается востребованной, поскольку она может снижать социальное напряжение и улучшать психологическое самочувствие членов диаспорных групп.

Для нас этот подход важен и по другой причине: подобные исторические труды могут восприниматься скорее не как объективные научные исследования, а как первичный источник, позволяющий проникнуть в интеллектуальную реальность и социальный контекст современной диаспоры, которые в большой степени определяются ис-

торией: ее обаяние пронизывает армянскую культуру, является органической частью жизни армян по всему миру. Чтобы понять и описать среду, иногда нужно *поверить* вместе с ней в ее *прошлое*. С точки зрения научной объективности такая готовность поступиться частью рациональности для этнографа вполне безопасна, а сопереживание полезно и даже необходимо. Конечно, внутренняя связь с изучаемым объектом не освобождает исследователя от обязанности последующего анализа, который, однако, не должен мыслиться как победа над средой – этническая культура, к счастью, не обязана защищать свое право на существование.

Отечественная этносоциология. Г.В. Старовойтова определила объект своего исследования – ленинградских армян – как “этнодисперсную” группу, т.е. “представителей какого-либо этноса, дисперсно расселенных в урбанизированной иноэтнической среде и регулярно поддерживающих этнокультурные связи как внутри группы, так и с коренным этносом” (Старовойтова 1987: 11). Внутригрупповые контакты (Старовойтова 1987: 13, 15, 152–153)² и длительное сохранение “этнокультурных интересов” характеризуют, по ее классификации, реальную этнодисперсную группу и отличают ее от номинальной, члены которой ничего не знают друг о друге. Номинальные общности, по мнению автора, начинают растворяться в новом окружении уже в следующем поколении после миграции.

Переписи населения и результаты этносоциологического опроса позволили Г.В. Старовойтовой определить уровень образования, социально-профессиональный состав и демографические характеристики армян Ленинграда. В центре внимания автора оказались также особенности образа жизни и этнокультурная специфика. Выясняя характер этнической самоидентификации респондентов, Г.В. Старовойтова анализировала проявления этнического сознания, их представления об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках, особенностях физического облика и характере. Важнейшими отличиями представителей различных национальностей ленинградские армяне называли этнопсихологические черты, особенности поведения и традиционной культуры. Объясняя результаты своих опросов, Г.В. Старовойтова отмечает, что представления о факторах этнической идентификации коррелируют с типом межличностного общения респондента, т.е. находятся под влиянием социальной среды индивидуума (Старовойтова 1987: 134)³. Акцент на психологических различиях народов особенно заметен в ответах более урбанизированных армян, выбирающих круг общения не столько по родственному или земляческому признаку, сколько на основании общности интересов и занятий. Таким образом, причина этнопсихологической направленности ответов ленинградских армян – в высокой адаптации к условиям большого города, приведшей к активизации современных представлений о большей этнодифференцирующей значимости психологии по сравнению с доступными открытому наблюдению языком и физическим обликом.

Согласованность между культурными установками респондентов (им предлагалось назвать выдающихся ученых, писателей и артистов – вне зависимости от их национальности) позволила автору выделить три типа этнокультурной ориентации личности: интернациональную, ассимиляционную и этническую, – понимаемые как комплексные характеристики, позволяющие прогнозировать установки личности в межэтническом взаимодействии и культурном потреблении. Таким образом, Старовойтова показала связь культурной и социальной составляющих этнического поведения: актуальность для респондента профессиональной национальной культуры коррелировала с языковым поведением, готовностью вступать в межнациональные браки, средой повседневного общения и пр. При этом Старовойтова отмечала, что этнокультурная ориентация *непостоянна*: сегодняшняя предрасположенность к ассимиляционному поведению может в будущем (например, в следующем поколении) обернуться диссимилиацией.

Распределение этнокультурных ориентаций соответствовало также возрастной структуре группы: ассимиляционная ориентация оказалась более характерной для мо-

лодежи, интернациональная – для лиц среднего возраста, этническая – для пожилых. Причем на эти установки сильно влияли условия социализации (этническая среда, в которой она происходила), а длительность аккультурации значила меньше. Смещение социальных характеристик новой этнической среды и традиционных норм исходной приводит к неоднородности рассматриваемой совокупности ленинградских армян, сочетающей черты номинальной и реальной группы: первые характеризуют периферию, вторые – ядро группы. Автор заключает: “Подавляющее большинство (2/3) ленинградских армян. – Е.Ф.) ориентировано на сочетание национального и интернационального в образе жизни” (Там же: 147).

Одним из результатов исследования Старовойтовой стало заключение о преобладании у ленинградских армян “нуклеарной”, двухпоколенной, малодетной семьи (Там же: 100–101). Неудачность применения подобной традиционной квалификации показала дальнейшая эволюция армянской семьи в диаспоре. Согласно нашим исследованиям, сегодня семейная ситуация многих “старых” армян (т.е. ранних волн иммиграции) в РФ складывается из множества широких полуродственных/полудружеских, но почти всегда внутриэтнических, связей, в совокупности до определенной степени соответствующих представлениям о большой семье. Произошло ли за последние пятнадцать лет внезапное “укрупнение” семьи и было ли оно отражением роста ее сплоченности в результате миграционных катаклизмов, или за нуклеарной “ячейкой общества” Старовойтовой нужно было попытаться увидеть непрерывность сильных и слабых (этнических) связей в первичных группах, даже не обязательно кровнородственных? Возможно, в ленинградской коммуналке не нужно было искать, чтобы потом не обнаружить *гердастан* (армянскую патриархальную семью) – уместнее было бы исследование степени сплоченности семейной среды и микросоциальных уровней проявления этнической солидарности.

Словно отходя от ориентации – несколько архаичной по сегодняшним меркам – на культуру “этноса”, Г.В. Старовойтова ищет выход к собственно социологической проблематике группы, подчеркивающей ее важнейшую черту – гетерогенность. Однако влияние различных волн миграций в данных ее опроса не отражено. В таблицах представлены ответы всех респондентов, а полярные социально-культурные характеристики не связываются со сложным составом общности, хотя автор и делает оговорку о важности учета среды социализации. Игнорирование внутренней структуры группы – существенный и не случайный недостаток работы: “монолитность” описания связана с теоретической позицией автора, опирающейся на традиционные представления советской этнологии, согласно которой армяне подразделялись лишь на “этнографические группы”⁴.

По нашему мнению, именно гетерогенность локальных групп чрезвычайно важна для сохранения этничности армян. Укрупнение категорий этнического сознания, которое, как считает Старовойтова, “может рассматриваться /.../ как отражение одного из этапов естественной этнической ассимиляции” (Там же: 154), далеко не столь тотально, как это ей представляется. Конфликт в этническом сознании членов диаспоры между примордиальным мифом и реальным разнообразием конструктивен с точки зрения функционирования групп и является залогом их сохранности (ниже мы еще будем этого касаться).

Логическим продолжением работы Старовойтовой можно считать опубликованную в 1991 г. статью Ю.В. Арутюняна о московских армянах (Арутюнян 1991). Признавая большое значение внутренней неоднородности дисперсной группы для ее социально-этнической природы, Арутюнян применяет более совершенную методику опроса. Хотя при анализе армянской общности фактор “места выхода” этим автором не учитывается, тем не менее, результаты исследования приводятся по трем группам – уроженцам, старожилам и новоприбывшим. Арутюнян приходит к заключению, что армяне-мигранты быстро адаптируются к новому окружению и деэтнизируются. От-

личия обжившихся в городе армян от русских видны, пожалуй, только в семейной сфере: армянские семьи больше, а гендерные стереотипы остаются во многом традиционными. “Она (“нация”. – Е.Ф.) как бы “гаснет” в сфере своего дисперсного расселения” (Там же: 10–11). Национальные черты воспроизводятся только через приток мигрантов, без которого удел этнодисперсной группы – скорая ассимиляция. Единственный положительный вклад в сохранение этничности армян вносит устойчивость самосознания, показывающего почти полную независимость от степени сохранности культурных и поведенческих особенностей. Анализируя ответы на вопрос, чем вызвано чувство родства со своим “этносом”, Ю.В. Арутюнян приходит к выводу, что оно во многом ситуативно и определяется индивидуальными психологическими стимулами самоидентификации. По мере вживания в новую среду этничность перемещается в область второстепенных самоопределений индивида и перестает оказывать воздействие на его поведение.

Первая фраза статьи Арутюняна цитировалась В.А. Тишковым как образец методологической несостоятельности советской этнографической школы: «Возникает множество вопросов: зачем и как граждане Москвы чувствуют свои “армянство”, “еврейство” или “русскость”, как, скажем, карабахский кризис заново “делает” этих граждан армянами и азербайджанцами? ... Мы же начинаем отсчет нашего интереса с переписного постулата о существовании некоей объективной целостности как, скажем, “московские армяне – дисперсная группа достаточно развитого этноса” (выделено В.А. Тишковым. – Е.Ф.)» (Тишков 1992: 12; 2000: 51). Эта критика справедлива. Хотя отсутствие в выборке армян-беженцев из Азербайджана и декларируется Арутюняном в начале работы, но материал статьи собирался во время обострения карабахского кризиса, о котором в тексте почти не упоминается. Между тем, очевидно, что закавказские события влияли на этничность московских армян. Поэтому можно было бы ожидать, что при новом обращении Арутюняна к исследованию московских армян предлагаемые Тишковым “конструктивистские” поправки будут в той или иной форме учтены.

Однако в 2001 г. Ю.В. Арутюнян опубликовал новую статью, в которой фактически повторил свои построения на постсоветском материале. Как ранее не учитывался этномобилизационный фактор карабахского конфликта, так и теперь игнорируется рост ксенофобии и ренессанс этничности в конце XX в. Несмотря на кардинальное изменение объекта в результате миграционных катаклизмов 1990-х годов, темы исследования названной публикации, угол их рассмотрения и, главное, выводы почти дублируют результаты десятилетней давности. Имеют место некоторые изменения в представлении данных: вместо трех групп респондентов в таблицах фигурируют две – старожилы и новомигранты; кроме того, во второй статье большее внимание уделяется фактору “место выхода”, индикатором которого стал параметр “родной язык” (диалект). Однако выводы автора все те же: “Со временем социальные и этнические черты армян в московской иноэтнической среде перестают быть столь тесно взаимосвязанными, как в начале адаптации” и «этническая жизнь московских армян “не вмешивается” в социальную» (Арутюнян 2001: 20). И в 1991, и в 2001 годах, по мнению Арутюняна, только непрекращающаяся иммиграция препятствует деградации этничности столичных армян. Другой фактор – деятельность армянских этнических организаций, – с его точки зрения, не существенен. Хотя такие “общины” и “не выражают достаточно четко реальных интересов армянского населения столицы”, но власть, идущая на поводу у “этнических спекулянтов”, “как ни странно, дает себя обмануть, принимая и признавая это “представительство”. Определять интересы народов должны этносоциологи, “свободные от политической предвзятости и стремящиеся к пониманию реальной ситуации в разных социально-национальных средах”. Это исключит «спекуляцию “этикеткой” политиками, жаждущими власти во имя собственных нужд, а не интересов народов, на опеку которых они претендуют» (Там же: 21). Остается не-

понятным, как определяет интересы армян Москвы этносоциолог Арутюнян: в статье таких проблем не ставится и, соответственно, рецептов не предлагается. В общем умеренный вывод статьи 1991 г.: “Необходимо объективно оценивать реальные потребности и возможности этнических групп в разных социально-национальных средах, чтобы осуществлять гибкую, эффективную национальную политику” (Арутюнян 1991: 15), через 10 лет превращается в парадоксальное заключение: “Национальная атрибутика не должна присутствовать в социальной жизни” (Арутюнян 2001: 21).

Представляется, что любое научное исследование, в методике которого явно или неявно подразумевается, что никаких качественных перемен в этнической идентичности населения России в последнее десятилетие не произошло, с самого начала должно подвергаться сомнению. Приведенные Ю.В. Арутюняном данные допускают и совсем иные интерпретации. Например, А.Е. Тер-Саркисянц – представитель тех самых русифицированных, удалившихся от национальных корней старожилов-уроженцев Москвы, на неизбежной и окончательной ассимиляции которых настаивает Арутюнян, – предлагает свой анализ армянской диаспоры Москвы. Являясь по форме кратким переложением первой из рассмотренных выше статей Ю.В. Арутюняна, версия А.Е. Тер-Саркисянц по сути совершенно противоречит оригиналу: акценты сдвигаются, и проценты, казавшиеся Арутюняну угрожающе низкими, интерпретируются ею как вполне благополучные: армяне “армянизируются”, их самосознание крепнет, а жизнь “этнизруется” (Тер-Саркисянц 1998: 272–274)⁵. Возможно, и можно было бы последовать примеру Ю.В. Арутюняна и заподозрить А.Е. Тер-Саркисянц, перефразируя его слова, в этнической “спекуляции” или в уходе “во имя собственных нужд” от “интересов народов”, “на изучение которых исследовательница претендует”. Но стоит ли?

Магия цифр не должна заставить нас забыть, что как вопросы, на которые отвечают информанты, так и комментарии исследователя к полученным результатам субъективны. Иная трактовка статистических данных становится тем более допустимой, чем больше авторская версия умалчивает о качественной стороне объекта. Еще одной иллюстрацией этого может стать сравнение интерпретаций Г.В. Старовойтовой и Ю.В. Арутюняном степени ассимиляционной готовности различных возрастных слоев этнодисперсных групп. По мнению Старовойтовой, этнокультурная ориентация информанта коррелирует с возрастом: чем человек старше, тем выше вероятность, что этническая составляющая его жизни будет более выраженной. Объяснение этому автор видит в том, что пожилые ленинградские армяне чаще являются выходцами из села, а значит, больше ориентированы на этнические ценности (Старовойтова 1987: 147)⁶. Арутюняну очевидно другое: чем респондент старше, тем дольше он прожил в Москве и тем выше его образовательный, а значит и социальный уровень. А так как с увеличением срока проживания и ростом социального статуса этническая составляющая жизни уменьшается, то московские армяне-старожилы в значительной степени ассимилированы. В чем же причина такого существенного разнобоя – в различиях установок и объяснений двух ученых или в несопоставимости формулировок соответствующих анкетных вопросов? Возможно, что коэффициент, характеризующий влияние возраста на величину ассимиляционной готовности, сильно варьирует в зависимости от выборок по той причине, что он незначим. Другой вариант объяснения: возраст, уровень образования, социальный статус и пр. коррелируют между собой, что порождает проблему мультиколлинеарности, при которой “небольшое изменение исходных данных приводит к существенному изменению оценок коэффициентов модели” (Магнус и др. 2000: 94).

Существуют, как представляется, две возможности снятия этого противоречия. Одна – поиск другой зависимости, которая, подтвердив старый подход, не будет столь явно противоречивой, что, очевидно, неприемлемо; другая – очень болезненная – смена объяснительной концепции. Согласие на незначимость возраста для степени ассимиляции приводит к дезорганизации логической структуры работы: т.к. в Москву приез-

жает в основном молодежь, а с возрастом ассимиляции не происходит, следовательно со временем проживания в мегаполисе этничность не теряется, а растущие образовательный и социальный статусы не оказывают существенного влияния на актуальность этнической идентичности.

Метод массового опроса имеет особые родовые слабости, проявляющиеся именно при исследовании диаспоры. Являясь хорошим подспорьем для выявления четких разделений, давая точные числа в случае однозначных ответов, он не может поставить диагноз внутреннему механизму реализации одного из самых важных социальных капиталов индивидуума – этнической идентичности. Причем дело даже не в конкретных анкетных формулировках, а в специфике самого предмета исследования: диаспорная этничность относится к особо оберегаемому от посторонних глаз внутреннему состоянию. Количественный анализ и получаемая в его результате картина отражают малую часть реальности, а общие выводы остаются субъективными.

Это можно проиллюстрировать еще одной теоретической недосказанностью рассматриваемых работ. Разбирая исследование Г.В. Старовойтовой, мы упоминали о некоторой путанице в вопросе, что же все-таки первично: этническое самосознание или его социальная основа? Арутюнян выделяет как один из показателей активности внутриэтнического общения в среде московских армян национальность близких друзей респондентов и трактует ответ “друг – армянин” как результат этнической самоидентификации, вместо того чтобы считать последнюю изначальной. При этом, обсуждая этот социальный эффект самосознания, Арутюнян отмечает, что общность возникает независимо от обладания традиционно-этническими чертами. (Впрочем, данные, к которым отсылается читатель, кажется, не позволяют сделать такое заключение: среди армян-уроженцев Москвы, не знакомых с этнической традицией, всего 8% имеют друзей-армян, а среди новоприбывших – почти половина (Арутюнян 1991: 14, табл.15).)

Говоря о генезисе “этносов”, С.А. Арутюнов утверждает: “Этническое самосознание – это результат существования этнической общности, ее внешнее проявление” (Арутюнов 1989: 27). Из идеи же Арутюняна о первичности самосознания по отношению к его социальному проявлению можно предположить, что он, напротив, считает, что именно этничность создает информационную среду диаспоры. Однако это построение сомнительно, т.к. наблюдаться непосредственно может именно устойчивая коммуникационная/сетевая среда “этноса”, этничность же значительно более ситуативна, а следовательно, и менее надежна с точки зрения фиксации.

Кроме того, по нашему мнению, в диаспоре следует различать не один, а два типа этнического самосознания. Первый из них мы назовем “этничность среды” и будем под ним понимать реальную общность групповых микросред. Непрерывность родственных, земляческих и дружеских связей переселенцев не требует явного использования идеологии этничности – сфера приватности “этнофоров” сохраняет многое от реальности предмиграционного существования. Для подобного континуума информационная среда, несомненно, первична по отношению к сознательной идентичности. Другой тип – “этничность личности” – характеризует выпавших из этнического контекста индивидуумов. Использование социологических опросов для выявления социального проявления такой этничности – занятие неблагодарное, так как ее актуальность/интенсивность слабо коррелирует с фиксируемыми социологами показателями.

Рассматриваемый подход не дает надежных результатов даже при анализе социальной структуры группы. Так, разные по дробности классификации сферы занятости, приведенные в работах Старовойтовой и Арутюнова, одинаково далеки от того, чтобы дать представление о профессиональной сплоченности диаспоры или ответить, например, на вопрос, имеет ли сегодняшняя роль армян в таком ремесле, как ремонт обуви (см. ниже), истоки в советском прошлом.

Кроме того, как уже говорилось, рассмотренные этносоциологические исследования уделяют недостаточное внимание гетерогенности спурка. Это упущение приво-

дит к серьезным ошибкам и в других работах. Так, обрабатывая похозяйственные книги в районе компактного проживания армян на Северном Кавказе, А.Е. Тер-Саркисянц приводит суммарные данные о жителях того или иного села, однако потом выясняется, что “среди оформивших в тот (1991. – Е.Ф.) год брак /.../ не было ни одного уроженца данного села” (Тер-Саркисянц 1998: 303), то есть походя упоминается неоднородный состав изучаемой группы, который а priori не может не отразиться на социальных показателях и который должен был бы с самого начала приниматься во внимание анализом. Таким образом, единство оказывается мнимым.

Качественный метод: конструктивистский вызов? Исследованию петербургских армян качественными методами посвящена глава О. Бредниковой и Е. Чикадзе (1998), вошедшая в коллективную монографию сотрудников Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) “Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга”. Для верного понимания этой статьи необходимо учитывать положение написанного В. Воронковым и И. Освальд “Введения” к книге, в котором авторы ставят теоретические вопросы о причинах и механизмах бурного развития этнических ассоциаций в Санкт-Петербурге и о значении для жителей мегаполиса их этнической идентичности. Предлагая свои ответы, авторы подчеркивают изменчивость, “процессуальность” и ролевую природу этничности и заявляют о своей приверженности конструктивистскому подходу. Рассмотренные работы связаны организационно (являются частями одной монографии) и идеологически – риторика “воинствующего конструктивизма” характеризует, по крайней мере, введение к монографии В. Воронкова и И. Освальд и заключение главы О. Бредниковой и Е. Чикадзе.

Этническая нивелированность среды советского города сменилась этническим возрождением, главная характеристика которого – неравномерность. В результате этнических процессов к 1980-м гг. возникли современные “общины”, т.е. этнические организации, которые Воронков и Освальд противопоставляют “этническим группам”. В последних авторы видят то носителей той или иной “национальности”, определяемых официальной статистикой, то людей, идентифицирующих себя с тем или иным “народом”. Именно в “общинах”, по их мнению, разрабатывается коллективная идентичность и происходит этническое кодирование – «процесс объединения определяемых как “этнические” групповых черт, так что все они взаимоувязываются, усиливая значения друг друга и символизируя в совокупности этническую целостность» (Там же: 18). Конструктивистский характер этого процесса авторам очевиден: этнические традиции, как они утверждают, давно потеряли свою интегрирующую силу и сохранились лишь как часть “фольклорных представлений”. Этническое кодирование, следовательно, имеет мало отношения к реальности. Эффективность кодов определяется численностью вписавшихся в них людей: “общины” – центры мобилизации – остаются небольшими и нестабильными структурами, “вне которых существуют весьма неясные или запутанно формулируемые этнические пространства, в которых наслаиваются социальные, профессиональные, этнические, религиозные и прочие мировоззренческие идентификации” (Там же: 31).

О. Бредникова и Е. Чикадзе интервьюировали как членов “общин”, так и “неорганизованных” армян, постоянно проживавших в Петербурге в течение десяти лет: это условие мотивируется тем, что “старожилы” уже адаптировались и опыт их адаптации ими отрефлексирован. Авторы задают вопрос о причинах приверженности петербургских армян, даже выходцев из смешанных семей, “воображаемому армянскому сообществу” – ведь в его создании не участвовали реальные носители народных традиций и обычаев. В основе армянского мира лежит “миф” “страшной судьбы вечных изгоев”, представления о национальном характере, о древней письменности, о самом раннем в мире принятии христианства как официальной религии. Этническая мобилизация армян происходит с активным использованием этих “мифологем” как в самой Ар-

мени, так и в диаспоре. При этом этничность петербургских армян конструируется по сценариям, обусловленным средами их первичной социализации: соответственно, их информанты разбиваются на группы выходцев из Армении, с Северного Кавказа, уроженцев Ленинграда и т.д.

Одно из первых впечатлений от “Введения” Воронкова и Освальд – почти полное отсутствие ссылок на отечественные исследования. Новизна российского конструктивизма подчеркивается в тексте, а выбор теоретического подхода мотивируется его “абсолютным доминированием” в западной социологической литературе, “особенно в англоязычной”. В действительности главным “источником вдохновения” для Воронкова и Освальд служат вовсе не англоязычные авторы: приведенный во “Введении” список литературы более чем на две трети состоит из работ, написанных по-немецки⁷. Список использованной литературы вызывает далеко не надуманный вопрос: а так ли оригинальны взгляды авторов, чтобы открыто игнорировать труды отечественных предшественников? Прежде всего, напрашивается сравнение с исследованием Старовойтовой. Кроме близкой тематики, книгу “Конструирование этничности” сближает с ним общий круг потенциальных информантов: конструктивисты, как говорилось, устранили из своей выборки недавних мигрантов.

В дихотомии “общины” и “этнической группы” Воронкова и Освальд легко увидеть параллель “номинальной” и “реальной” составляющих этнодисперсной группы у Старовойтовой. Если Воронков и Освальд говорят о потере значимости и определенности этничности по мере удаления от организационного “центра”, то Старовойтова утверждает “ослабленность” идентичности на периферии группы. Разумеется, Воронков и Освальд декларируют “искусственность” и “общинное” происхождение этничности, тогда как для Старовойтовой очевидны ее изначальность и индивидуальность. Для конструктивистов этническая организация – слабая и немногочисленная структура, создающая малозначимый в масштабах “номинальной” совокупности мобилизационный дискурс. Старовойтова же понимает “номинальность” и “реальность” как равнозначные по своему таксономическому порядку характеристики группы. “Этнические коды” Воронкова и Освальд не могут не вызвать ассоциацию с “этнокультурными ориентациями” все у той же Старовойтовой. Старовойтова ссылается на Арутюняна, который «предлагает рассматривать культурные ориентации по двум континуумам: от “традиционного” к “современному” и от “узконационального” к “интернациональному”» (Арутюнян 1973; изложено по: Старовойтова 1987: 137). “Этнические коды” Воронкова и Освальд также упорядочены «по степени “модернизированности” символической репрезентации» и “потенциалу интеграции”. Здесь позиции “конструктивистов” и Старовойтовой почти сходятся: по мнению последней, “этнокультурные ориентации” не окончательны и являются скорее “тенденциями”, чем однозначно определяющими этническое поведение доминантами (Старовойтова 1987: 138).

Попробуем проанализировать выявленные нами конструктивистские новации и сделать вывод об удачности применения “прогрессивного западного подхода” Воронкова и Освальд к исследованию диаспоральных реалий. Имеются ли эмпирические подтверждения тому, что “общины” – единственные или хотя бы главные центры этнической мобилизации в постсоветском мегаполисе?

На первый взгляд, это действительно так. Бредникова и Чикадзе начинают свою статью с декларации об отказе от анализа с позиций “эссенциализма”, присущего Старовойтовой. Впрочем, в дальнейшем, пытаясь понять “реальность самих армян” (Бредникова и др. 1998: 227), конструктивисты-эмпирики, подобно конструктивистам-теоретикам, фактически следуют за логикой своей предшественницы, в этом случае перефразируя ее мысль о значимости условий социализации при формировании этнокультурных ориентаций. Таким образом, тезис В. Воронкова и И. Освальд о центральной роли этнических организаций в процессах конструирования этничности (по крайней мере в отношении армян) не подтверждается фактами: эмпирические резуль-

таты говорят о предзаданности "карьеры этничности" эссенциальным фактором среды социализации. Для актуальности этничности отношение к общине несущественно. Очевидно, что актуальность для информанта этнической принадлежности определяется не интенсивностью контактов с этнической организацией, а степенью ассимиляции (хотя параметры того и другого могут между собой коррелировать). Если "общины" и являются источником этнического дискурса, то механизм их воздействия на "этнофоров" должен отличаться от того, каким он представляется Воронкову и Освальду.

Критикуя эмпирические разделы книги "Конструирование этничности", М. Соколов отмечает: "Никакое изложение биографии не свободно от редактирования, в ходе которого респондент стремится рассказать все так, как, по его/ее мнению, это должно было происходить. Соответственно, интервьюер неизбежно находится в зависимости от представлений своего собеседника о том, что имеет отношение к делу", причем интерпретация слов информанта затрудняется и из-за субъективности и теоретической предвзятости самого интерпретатора (Соколов 1999). Позволим себе не во всем согласиться с Соколовым. Внутренняя противоречивость разбираемых текстов, на наш взгляд, стала следствием не столько ошибок в результате взаимного непонимания информантов и исследователей, сколько неубедительности логических построений последних. Впрочем, проблема научной корректности при сборе материала тоже важна. Стремясь к обоснованию своих теоретических установок, О. Бредникова и Е. Чикадзе иногда просто "давят" на информанта. Вот пример фрагмента интервью: «Вопрос: У вас был такой момент, когда вы узнали, что у вас есть национальность и что эта национальность – "армянин"? Ответ: Я никогда и не забывал, что я армянин. Вопрос: То есть вы всегда это знали? Ответ: Да, постоянно, я никогда и не забывал, что я армянин. Вопрос: Я просто хочу, чтобы вы попытались вспомнить, как произошло это узнавание, потому что иногда это бывает для детей откровением. Ответ: Я всегда знал, что я армянин, и я знал, что и мои дети тоже будут армянами» (Бредникова и др. 1998: 235). Авторы словно забыли: чтобы ощущать себя армянином, не обязательно уметь внятно объяснить напористо допрашивающему социологу источник своей "этничности". Преимущества качественного метода – возможность проникнуть в изучаемый объект, прочувствовать его жизнь – остались не востребованными. Отказ от включенного наблюдения привел к игнорированию повседневности, а сохранение этничности в обыденной жизни оказалось синонимом ее малозначимости.

И все-таки, когда приводимые в работе монологи информантов не превращаются в диалоги с преследующими свои цели интервьюерами, они представляют читателю живые биографии. Важный результат работы – выявление гетерогенности группы. Но верно ли положение: раз армянское единство – "воображаемое", значит, оно и "мифологично"? Трактовка неоднородности армянской диаспоры может быть и иной: само существование разных по происхождению групп армян усиливает их этнические чувства. Армянский национальный миф, возможно, включает не только триаду "геноцид – религия – письменность", но и идею фатальности многовекового разделения. Субэтническая идентичность, складываясь в осознаваемом противоречии с эссенциальным мифом, не разрушает, а, напротив, актуализирует этничность, "подпитка" которой происходит не только через игнорируемую авторами информационную среду, но и через "накопленную" в истории "энергию" культурных различий.

Упомянув вскользь о неформальных отношениях и этнических сетях, О. Бредникова и Е. Чикадзе никак не продолжают эту тему. То же стремление "расчистить" исследовательское поле приводит к другому весьма спорному шагу – удалению из выборки недавних "слишком этничных" мигрантов. К этой среде сотрудники ЦНСИ обратились в книге "Этничность и экономика".

С. Дамберг и Е. Чикадзе проводили включенное наблюдение в "milieu" петербургских армян-сапожников (Дамберг и др. 2000). Формирование этой среды проходило с начала 1990-х годов, когда шло интенсивное развитие сферы предоставления услуг по

ремонту и мелкому производству обуви. Эта ниша была занята армянами, часто недавними мигрантами, контролировавшими на момент исследования до 70% этого рынка. Ремонт обуви не требует длительной специальной подготовки и значительного первоначального капитала – оба эти фактора, а также наличие родственных и земляческих сетей способствовали постепенной этнической монополизации рынка. При этом собственно этничность почти никогда как ресурс не использовалась. “Ожидание доверия”, основанное на представлениях об этнической солидарности, актуализировавшейся в ходе этнической мобилизации конца 1980-х – начала 1990-х годов, затем постепенно вытесняется “рыночной рациональностью”. Теперь на работу берут не “пострадавших соотечественников”, а специалистов по ремонту, часто неармян. Существующие сегодня сети “суть профессиональные, родственные, территориальные /.../ и меньше всего этнические”.

Занятие армянами рынка пошива обуви, по мнению Дамберга и Чикадзе, связано с изначальной “обувной специализацией” Армении. Произведенная там продукция была одной из лучших на отечественном рынке, и в начале 1990-х годов ее экспорт в Россию был очень выгоден. Это определило преимущество выходцев из Армении – они уже заранее имели доступ к необходимым производственным ресурсам. Впрочем, среда выходцев из Армении, по-видимому, не была исследована Дамбергом и Чикадзе: в тексте приводятся результаты исследования цехов, организованных азербайджанскими и грузинскими армянами, что, кстати, ставит под сомнение вышесказанное о преимуществах выходцев из Армении. Изучавшиеся производства были предприятиями малого бизнеса, с небольшим числом рабочих, скромным ассортиментом продукции и отсутствием налаженных каналов снабжения и сбыта.

Таким образом, работа Дамберга и Чикадзе решена в традиционном для российского конструктивизма ключе. “Идеологический союзник” – рыночная рациональность – вступает в борьбу с “идеологическим противником” – этнической солидарностью – и без труда одерживает победу. Впрочем, теперь – по сравнению со случаем предыдущей работы сотрудников ЦНСИ – *l'enfant terrible*, российская конструктивистская мысль, даже перерастает своего родителя – англоязычную науку. Авторы пишут: “Согласно западным исследованиям этнической экономики, предприниматели часто используют соотечественников мигрантов в качестве рабочей силы. Мы же наблюдали противоположную картину: за единственным исключением, армян среди рабочих нет” (Там же). Эта “дискриминация” объясняется необходимостью платить коэтникам⁸ больше, чем русским, кроме того, “считается, что нанятый на работу родственник или земляк будет стремиться стать компаньоном, не подчиняясь распоряжениям и подчеркивая тем самым свою исключительность среди сотрудников” (Там же).

Авторы другой статьи того же сборника (О. Бредникова и О. Паченков), ссылаясь на обобщающую работу И. Лайта и С. Карагеоргиса (*Light et al.* 1994), пишут: «Этническими являются ресурсы, которые основаны на идентификации человека с определенным этническим сообществом. Использование “этнических” ресурсов позволяет мигрантам не только найти жилье, обустроиться и т.д., но также определяет их экономические стратегии. Этот феномен принято называть “этнической экономикой”». В данном определении Бредникову и Паченкову беспокоят два момента: “каким образом и кем этническая принадлежность индивидов определяется и каково влияние этнической принадлежности на собственно экономическое поведение этих индивидов” (Бредникова и др. 2000).

В поисках ответа на последний вопрос авторы обсуждают экономические механизмы выживания мигрантов. Социальный вакуум вынуждает переселенцев выстраивать сети, которые организуются в соответствии с выделенными базовыми принципами: простотой и выгодностью взаимодействия, предсказуемостью и контролируемостью поведения, соприсутствием в одном профессиональном и социальном пространстве; сближает и давление принимающего общества. Этничность в эти базовые принципы

не попадает, и их “этническое” понимание неуместно: функция языка заключается не в маркировании этнических границ, а в удобстве коммуникации, предсказуемость связана не с “воображаемой принадлежностью к той или иной культуре”, а с близостью образовательного и социального статуса. И еще: “в случае с экономическими мигрантами профессионально-экономическое измерение не уступает этническому измерению, а иногда оказывается более значимым”. Следовательно, этничность не является важным ориентиром в экономическом поведении, а анализ “реальной деятельности мигрантов” возможен, только если «отвлечься от априори принятого в научном сообществе убеждения о существовании “этнических экономик” и важности этничности для стратегий мигрантов» (Там же). Вывод редактора сборника – В. Воронкова: «Достаточно снять с исследователя “этнические очки” и станет ясно, что подавляющее большинство изучаемых нами процессов вполне могут быть объяснены без привлечения категории этничности» (Воронков 2000).

Сборник “Этничность и экономика” выгодно отличается от труда “Конструирование этничности” прогрессом в методе: включенное наблюдение дало авторам более убедительный материал. Ценны некоторые конкретные замечания: например, армяне, действительно, редко нанимают на работу других армян, хотя кредиты родственникам и знакомым-коэтникам и развиты. Главной проблемой осталась теоретическая незрелость исследования. Если в книге “Конструирование этничности” декларированное расхождение со Старовойтовой на практике обернулось дублированием ее выводов, то в сборнике “Этничность и экономика” реальный разрыв с предшественниками (в лице западной традиции) привел к серьезным логическим нарушениям. И Дамберг с Чикадзе, и Бредникова с Паченковым, цитируя Лайта и Карагеоргиса, то ли не понимают, то ли сознательно искажают смысл построений англоязычных авторов. По мнению последних, этническую экономику от экономики принимающего общества отличает вовсе не использование агентами “этнических” ресурсов, а происхождение их занятости. Лайт и Карагеоргис развивают принадлежащее Э. Боначич и Дж. Модел определение этнической экономики как деятельности тех членов этнической группы, которые заняты на предприятиях, созданных членами этой же группы. Такая трактовка лишь подчеркивает экзогенное по отношению к принимающему обществу происхождение рабочих мест иммигрантов. При этом Лайт и Карагеоргис специально говорят о неприемлемости определения этнической экономики с помощью признаков партикуляризма и этничности (Light et al. 1994: 648–649). Легко заметить, что Дамберг и Чикадзе также напрасно приписывают своим западным коллегам мысль об обязательности для этнической экономики наличия наемных коэтников: создание новых рабочих мест не нужно путать с обязательным заполнением их соотечественниками.

В своих теоретических построениях авторы не столько борются с панэтнизмом оппонентов, сколько (как и в книге “Конструирование этничности”) представляют собой попытку изживания собственного примордиального комплекса. Приведем образчик подобного концептуального хаоса из другой статьи О. Бредниковой и О. Паченкова: “Информант рассказал о случае, когда рыночное сообщество отказалось выкупать из тюрьмы соотечественника – подростка, который был осужден за воровство” (Бредникова и др. 2002: 158)⁹ (курсив наш – Е.Ф.). Так что “теория” Бредниковой и Паченкова состоит не в снятии, а скорее в надевании “этнических очков”. Придуманный противник – ресурсы этничности – мешает увидеть противника реального – рынок, монополизированный информантами со “сконструированной” идентичностью. Ответа на очевидный вопрос: почему, несмотря на относительно небольшую долю мигрантов в составе петербургского населения, приходя ремонтировать обувь, мы, скорее всего, встретим мастера-армянина, а покупая зелень, услышим азербайджанскую речь – авторы не дают.

Возьмем на себя смелость заполнить лакуну в объяснениях своими рассуждениями, основанными как на данных, приводимых авторами сборника, так и на материале собственных полевых исследований. Часть “называющих себя армянами” иммигрантов не воспользовалась готовым предложением на рынке труда Санкт-Петербурга, а выбрала индивидуальное предпринимательство, создав новые фирмы по ремонту и пошиву обуви. С течением времени такие предприниматели стали преобладать на данном рынке. Уже в силу этого мы имеем дело с этнической экономикой, а на вопрос Дамберга и Чикадзе: “Означает ли это (монополизация занятий по производству и пошиву обуви армянами. – Е.Ф.), что мы можем в данном случае говорить об этническом предпринимательстве?”, следует ответить положительно.

Задачей социолога должна стать интерпретация этого факта. Дамберг и Чикадзе видят объяснение в двух явлениях: перестройке сферы ремонта и пошива обуви в результате слома старой советской системы и притоке в город армян-мигрантов. Но ведь в город приезжали не только армяне (часто ли вы видели ремонтирующего обувь азербайджанца?), а выгодность бизнеса должна была привлечь специалистов из местного населения (например, рабочих обанкротившихся обувных предприятий города), не скованных множеством проблем, преследующих иммигранта. Таким образом, никаких других причин монополизации рынка армянами, кроме этнических, привести невозможно. А как же тогда “рыночная рациональность”, которая, по мнению Бредниковой и Паченкова, почти полностью исключает “этническую солидарность”? Авторы, как в известном анекдоте, искали влияние этничности “там, где светло”, а не там, где оно действительно есть – в области эксплицитной идеологии, а не в области реальной информационной этничности, складывающейся из родственных, дружеских и земляческих связей (*Light et al.* 1994: 662)¹⁰ (не воспринимая их как этнические, о таких связях в среде армян-сапожников с охотой говорят Дамберг и Чикадзе). Помимо намерения авторов главным результатом их работы можно считать безусловное установление того факта, что именно в силу согласованного действия выведенных ими *рациональных базовых принципов* в сегодняшнем Санкт-Петербурге действует типичная этническая экономика. Не инструментальное этническое предпринимательство или наем себе в убыток рабочих-коэтников, а сетевая структура общности и этноспецифика хозяйственного менталитета определяют преимущество армян на рынке обуви.

Наши наблюдения за армянами-сапожниками в разных областях нашей страны подтверждают этот вывод. “Обувная” деятельность мигрантов редко связана со старой специальностью. Простота обучения и поддержка местной этнической среды, в которую переселенец включается сразу после переезда¹¹, определяет частоту выбора именно этого вида занятости. Мы неоднократно отмечали, как родственники и знакомые, которых перевозят вслед за собой армяне-мигранты-сапожники, часто так же, хотя бы на первых порах, становятся обувщиками и даже конкурируют с вызвавшими их коэтниками. “Рациональные” объяснения этого факта не отменяют идеологических, например, мифологему армянина – сапожника/строителя, о которой не пишут Дамберг и Чикадзе, но которая играет важную роль при адаптации мигрантов к новому статусу в принимающем обществе.

“Системный” подход. Как мы видели, “примордиальный” миф спюрка противоречит его реальной гетерогенности. Несмотря на “процессуальную природу” диаспоры – отсутствие у нее четких границ (*Арутюнов* 2000) и на разъединенность различных групп внутри нее, диаспора как целое продолжает существовать. “Системный” подход предлагает объяснение этого феномена механизмами самоструктурирования и самосохранения.

Работа З.И. Левина “Менталитет диаспоры” (2001) задумана как попытка применения “системного подхода” для определения универсальной схемы эволюции диаспоры: как *живой системы*, которая способна “организовать общесистемный процесс результативного функционирования, т.е. последовательную, согласованную /.../ работу”

элементов". "Живые объекты" и социальные образования в своем развитии равно проходят несколько основных стадий: "Первая – стадия выживания сообщества, отбора в нем наиболее жизнеспособных элементов; вторая – его количественный рост и структурирование; третья – зрелость, стабильное функционирование и четвертая – стадия упадка, дезинтеграции, умирания" (Левин 2001: 15–16, 40). Главное предложение автора – идея о возможности универсальной аппроксимации диаспорных процессов их однотипной "пропорциональной" зависимостью от одного параметра – "группового сознания".

По мнению З.И. Левина, типичная форма существования диаспоры – община-анклав, членов которой объединяет общая ментальность. Община складывается в районах компактного проживания "этнофоров" как стратифицированный социальный организм с групповым сознанием. Самоощущение переселенцев как "чужих" по отношению к принимающему обществу вызывает их стремление объединиться в общину. Это состояние нестабильности прекращается лишь во втором-третьем поколении после иммиграции "только в результате межэтнической миксации, ассимиляции или превращения диаспорной общины в этнокультурное новообразование принимающего общества" (Там же: 10).

Мы упомянули работу З.И. Левина не для того, чтобы вступать с ней в полемику. Нам хотелось бы, начав с нее, проследить строй мыслей, создающий в современной научной литературе целое направление. Применимы ли теории систем к анализу спюрка, и возможно ли с их помощью подтвердить концепцию примордиальной этничности?

С.В. Лурье, двигаясь в русле изучения процессов "самоорганизации" диаспорных общностей, по сравнению с Левиным, повышает таксономический ранг исследования: она ставит проблему диаспоры в контекст жизнедеятельности "этноса", оригинальную психологическую теорию которого она разрабатывает (Лурье 1998). Свой объект – этническую группу – Лурье рассматривает одновременно и как часть "этнической системы", состоящей из "материнского этноса" и диаспоры, и как часть местного общества. В работе анализируются механизмы изменения границ группы (степень этнической мобилизации) в зависимости от процессов в "материнском этносе". «Существует вполне определенная корреляция событий, которые переживает диаспора, и событий, которые переживает "материнский этнос"» (Лурье 1998: 387). Она подчеркивает, что активная часть диаспоры – "этническая община" – состоит из «воспринимающих себя как группу представителей данного этноса, объединенных между собой идентификацией своих интересов с интересами данного этноса (хотя представления об этих интересах у этнической общины могут отличаться от представлений членов "материнского этноса")» (Лурье 2001). При этом процессы ассимиляции в диаспоре не могут считаться необратимыми. В случае роста функциональной значимости диаспоры ее роли они могут обратиться вспять, и тогда этничность становится одним из решающих факторов в жизни людей. Нарастание и спад ощущения принадлежности к "этносу" определяются не зависящими от степени ассимиляции процессами мобилизации и демобилизации.

Лурье исходит из своей оригинальной теории самоструктурирования "этноса" – "функционального внутриэтнического конфликта", под которым понимает кажущееся изолированным, но синхронное действие обладающих различными ценностными ориентациями и иногда находящихся в отношениях откровенной вражды внутриэтнических групп, которое поддерживает необходимый для выживания динамизм этнической системы.

В своей статье о деятельности армянской общины Санкт-Петербурга в 1988–1993 гг. Лурье, активный участник описываемых событий, выступает не только как ученый, но и как мемуарист. Рефлексия автора о собственной субъективности важна для понимания текста: "Моя работа – это своеобразный человеческий документ, хотя и с пре-

тензией на научное осмысление. Но это тоже его неотъемлемая часть. Я профессиональный этнолог и постфактум свой опыт я анализирую с точки зрения этнологии” (Лурье 2001).

Структуру общности петербургских армян С.В. Лурье рассматривает, выделяя три последовательно уменьшающихся слоя с размытыми границами. Под “диаспорой” подразумевается статистическая совокупность. “Этническая община” возникает, если в результате взаимодействия различных общественных объединений вырабатывается осознанная групповая “мы-солидарность” по этническому признаку, включающая в себя сознание принадлежности к “этносу” и соучастия в его жизни. Несмотря на то, что членство в “общине” не является постоянным, она сохраняет устойчивость в силу своей особой роли во внутриэтническом процессе. В кризисное для “этноса” время происходит приток новых членов, даже тех, кто ранее не причислял себя к диаспоре. Наконец, третья группа – “реальные исполнители оригинальной творческой (внутри)этнической роли”, чье поведение определяется в большей степени процессами в материнском “этносе”, чем жизнью социокультурного окружения.

Анализируя эволюцию внутренней конфигурации армянской “общины” в 1988–1993 гг., Лурье оценивает уровень функционального участия или неучастия в жизни этнической системы различных ее групп в зависимости от процессов в “материнском этносе”, жизнь которого полностью определялась протеканием карабахского конфликта. Отражением его стало синхронное с событиями в “материнском этносе” изменение ряда анализируемых Лурье параметров. Главными среди них были: отношение разных групп петербургских армян к Армении и социокультурному окружению; состав “общины” и внутренние ее группировки; степень ее культурной активности и идеологической сплоченности; роль ее формальных и неформальных лидеров и пр. В зависимости от ситуации в Закавказье границы общины менялись: под колебательную мобилизацию попадали “люди, ранее почти полностью ассимилированные, а многие из тех, у кого всегда наблюдалось достаточно отчетливое национальное самосознание, порой, вообще теряли связи с этнической общиной”. Более того, граница ядра армянской общины проходила часто не по этническому признаку: “Верность общине на всех стадиях этнического процесса... определялась значительным дискомфортом с внешним социокультурным окружением”. Он не зависел от национальности и осознавался как наличие “специфического, непередаваемого опыта”. В каждой конкретной ситуации членство в общине обуславливалось принятием доминирующей в данный момент ценностной системы, и существенными были не взгляды и не прошлое человека (родной язык, привычки и пристрастия), а способность к максимально гибкому этническому поведению. Так, в наиболее критические моменты карабахской войны костяк армянской общины в Петербурге составили русскоязычные армяне, которые еще незадолго до этого считали себя русскими. Главным для члена общины было, чтобы его “поведение как бы встраивалось в общую линию поведения этноса, являясь синхронным с внутриэтническим процессом в том его виде, в каком он преломляется в диаспоре” (Лурье 2001). В период кризиса этнической системы это делало “общину” стабильной, позволяло прослойкам выполнять свои этнические функции. Ее ядро вырабатывало героические мифы, а периферия, члены которой сохраняли свои связи с социокультурным окружением, могла играть роль внешнего коммуникатора “этноса” (Там же).

Рассмотренная статья, очевидно, идеологизирована – автор фактически строит политическую теорию армянской этничности. Она описывает деятельность нескольких десятков человек – людей, глубоко переживавших далекий карабахский кризис. За рамками романтизированного рассказа осталось молчаливое статистическое большинство диаспоры. Но слезы, которые текли из глаз автора во время репортажа о во-
громах в Баку (Там же), были не только слезами экзальтированной повествовательницы. Переживания автора отражали чувства многих в то время и могут служить для

этнолога аутентичным источником. Исходящая из самого объекта тенденциозность Лурье более “естественна”, чем во многом инструментальная, привнесенная извне объекта идеология конструктивистов: за политизированными трактовками непосредственного участника событий можно увидеть реальную жизнь сообщества.

Можно ли, подобно Воронкову и Освальд, считать “общины” лишь центрами производства этнического дискурса, ограничиться рассмотрением только этой их инструментальной/конструктивистской роли? Наши полевые наблюдения провинциальных общин показывают, что, с одной стороны, участие в их деятельности – личное, инструментальное дело каждого члена, с другой – община является органичной частью символического этнического пространства. Да, контакты с этническими организациями редко возникают без необходимости, но сам факт существования воображаемого центра (а не собственно исходящая из него этническая информация!) очень важен для поддержки этничности членов группы. Дискурсивная роль общин в поддержании самосознания людей совсем не подразумевает того, что они сами по себе могут создать / сконструировать этническую идентификацию или даже существенно изменить ее содержание. При этом отказ от “цинического” осуждения этнической организации, взгляд изнутри номинального сообщества может помочь понять ее функцию – создание поля действия, незримое участие в неэксплицируемой этничности. Изолированность слоев диаспоры мнима, а связи между ними существуют и без непосредственной интеракции. “Разнообразие” живущих рядом армян создает систему взаимореферентных групп, является стимулирующим этничность фактором.

Дискурс отечественной науки о диаспорах пропитан ощущением их обреченности на ассимиляцию. Не странно ли: описывая “живые” общности, ученые не находят ничего лучшего, как говорить об их неизбежном угасании. Работа С.В. Лурье, рассматривающая общину не только как живой, но и жизнеспособный организм, выгодно отличается на этом фоне. Утверждая цикличность ассимиляции / мобилизации, она переносит акцент с вопроса о “медленной смерти” диаспоры на проблему ее функционирования. Неубедительно лишь “замыкание” объекта (уже не в узкие рамки диаспорной общины – по Левину, а в более широкую структуру – “этнос”), а следовательно, фактическое исключение из рассмотрения влияния окружающего общества. Так, существенным упущением модели С.В. Лурье является игнорирование влияния масс-медиа, откуда поступала значительная часть информации о Карабахском конфликте, определявшем эволюцию группы.

Избежать этого недостатка возможно путем применения “системного подхода” на более высоком уровне организации. Этнические процессы могут рассматриваться в связи с эволюцией всего человечества, последовательно проходящего в своем развитии ряд состояний. Процессы самоструктурирования на этом макроуровне определяют значение факторов, экзогенных для этнологических моделей, а потому должны учитываться при построении общих теорий¹².

* * *

Последовавшие за распадом Советского Союза миграционные катаклизмы в целом завершились, существенно изменив этнический ландшафт российского общества. Постсоветская наука об этническом, как, впрочем, и постсоветская реальность, неминуемо отходит в прошлое. Печать перехода лежит на всех рассмотренных нами работах: зыбкость настоящего редко давала авторам возможность остановиться и осмотреться. Нашей целью стал сбор рассыпанных по чужим текстам осколков реальности – той самой реальности, которая встает перед глазами, когда думаешь о российских армянах. Поэтому вывеска прагматичной объективности, грусть о невостребованном либерализме или осуждение “воображенного” национализма значили для нас очень мало.

Последовательное рассмотрение историографии оказалось полезным. Многие из сделанных заключений связаны с общей критикой методов. Иррациональная востребованность сконструированного прошлого свидетельствует об актуальности трудов историков. Убедительность количественных построений не отменяет проблемы авторской субъективности. Политическая ангажированность и националистическая риторика не становятся помехой для критического прочтения: они деконструируются легче, чем политкорректная стыдливость. Все это так, но значительно важнее – другое. Разные ученые в столь непохожих работах, тем не менее, вместе, иногда против собственного желания сумели создать целостный образ российского спюрка. Этнические организации – это статисты на празднике никогда не останавливающего свой бег этнического времени? Или “сборища этнических спекулянтов”? Или сообщества людей со сконструированной/“искусственной” идентичностью? Или игроки иррациональной этнической сцены? Каждый раз нет, и вместе с тем – да. Кто кого “воображает” – люди сообщество, или сообщество людей? Где источник этнического – в пережиточных явлениях исчезающей традиции или в навязанных модернизацией идеологических клише, в политизированном самосознании или в информационной среде обыденности? Этничность – является ли она одной из основ группового поведения или всего лишь латентной идентичностью? Здесь мы скажем: и то, и другое. Складывая несопоставимое – возникшие в головах разных людей академические конструкции, мы не дадим и не сможем дать других ответов. Палитра мысли возникает и из неоднозначности и разносторонности самого объекта, с трудом укладываемого в любые рамки.

Примечания

¹ В условиях скудости материала о советском времени, главной целью Тер-Саркисянц становится установление “естественной” связи между долгой историей армянских общин с сегодняшним их состоянием. У читателя может и даже должно возникнуть впечатление, что, например, “пассивные” в советские годы армяне Москвы вновь начинают “действовать” после 70 лет “молчания”.

² Старовойтова подчеркивает важность “микроструктур” непосредственного общения для функционирования реальной этнодисперсной группы. Эта “средовая” составляющая этничности анализируется ею в рамках информационной теории С.А. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова.

³ Это эмпирическое заключение Старовойтовой находится в противоречии с ее собственной, сформулированной в самом начале книги теоретической позицией: “Этническое самосознание в иноэтнической среде /.../ может проявляться в следующих процессах: тяготение к сфере неформального общения с представителями своей национальности ...” (Старовойтова 1987: 33).

⁴ Между тем, татары у Старовойтовой описаны по “субэтносам” (Старовойтова 1987: 89–91).

⁵ Армстронг на основании примерно тех же данных, что и Арутюнян, приходит к третьей трактовке армянской диаспоры в СССР, встраивая ее в концепцию “мобилизованных диаспор” (Armstrong 1992: 231–236).

⁶ В авторе, по нашему мнению, говорит полевой исследователь “традиционной культуры”, для которого чем информант старше, тем более он “этничен”.

⁷ Подобный “немецкий патриотизм” одного из авторов достоин уважения. Вызывает недоумение скорее то, что он не компенсируется патриотизмом другого автора – российского. Не беремся судить, коррелируют ли между собой “научная” и “обыденная” этничности Ингрид Освальд, и понимает ли она их преимущественно в *примордиальном* или в *конструктивистском* смысле. Что же касается Виктора Воронкова, то, как мы увидим ниже, его “научная идентичность” хорошо вписывается в конструируемые им самим “инструментальные” рамки.

⁸ Автор употребляет кальку с англоязычного термина *co-ethnic* – член той же этнической общности.

⁹ Не вполне понятно, как эта статья, содержащая несколько десятков стиливых и смысловых ошибок, восемь из которых находятся на первой же странице, могла попасть в сборник, выпущенный под грифом Института этнологии и антропологии и Института философии РАН.

¹⁰ И. Лайт и С. Карагеоргис, кстати, в экономическом смысле не различают родственный и этнический потенциал этнических экономик.

¹¹ Экономическая миграция армян в Россию не хаотична – армяне редко приезжают на пустое место. Вызывающие их родственники или друзья обычно заранее подбирают им возможные места работы.

¹² Разработка данного тезиса является одной из задач н о в и с т и к и – области междисциплинарных исследований эволюции глобальных процессов в Новое время (XV–XXI вв.). См., например: *Комиссаров* 2001.

Литература

- Амирханян* 1992 – *Амирханян А.* Тайны дома Лазаревых. Фрагменты истории московской армянской общины 14–20 вв. М., 1992.
- Ананян и др.* 1993 – *Ананян Ж., Хачатурян В.* Армянские общины России. Ереван, 1993.
- Арутюнов* 1989 – *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Арутюнов* 2000 – *Арутюнов С.А.* Диаспора – это процесс // *Этнографическое обозрение* (далее – ЭО). 2000. № 2. С. 74–78.
- Арутюнян* 1973 – *Арутюнян Ю.В.* О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации // *Советская этнография* (далее – СЭ). 1973. № 4. С. 3–12.
- Арутюнян* 1991 – *Арутюнян Ю.В.* Армяне-москвичи. Социальный портрет по материалам этносоциологического исследования // *СЭ*. 1991. № 2. С. 3–15.
- Арутюнян* 2001 – *Арутюнян Ю.В.* Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // *Социологические исследования*. 2001. № 12. С. 13–21.
- Бредникова и др.* 1998 – *Бредникова О., Чикадзе Е.* Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности // *Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга* / Под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб., 1998. С. 227–259.
- Бредникова и др.* 2000 – *Бредникова О., Паченков О.* Этничность “этнической экономики” и социальные сети мигрантов // *Тр. Центра независимых социологических исследований*. Вып. 8. Этничность и экономика / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб., 2000. (Сноски на статьи сборника производятся без указания страниц, текст с сайта <http://www.indepsocres.spb.ru>.)
- Бредникова и др.* 2002 – *Бредникова О., Паченков О.* “Этническое предпринимательство” мигрантов и мифы мультикультурализма // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002. С. 155–161.
- Воронков* 2000 – *Воронков В.* Существует ли этническая экономика? // *Тр. Центра независимых социологических исследований*. Вып. 8. Этничность и экономика / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб., 2000.
- Дамберг и др.* 2000 – *Дамберг С., Чикадзе Е.* Армяне в обувном бизнесе Петербурга // *Тр. Центра независимых социологических исследований*. Вып. 8. Этничность и экономика / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб., 2000.
- Комиссаров* 2001 – *Комиссаров Б.Н.* Новистика и изучение глобальных проблем современности // *Междисциплинарность в науке и образовании: Труды Всероссийской научно-методической конференции 11–13 окт. 2001 г.* СПб., 2001. С. 63–72.
- Левин* 2001 – *Левин З.И.* Менталитет диаспоры. М., 2001.
- Лурье* 1998 – *Лурье С.В.* Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М., 1998.
- Лурье* 2001 – *Лурье С.В.* Армянская община в Санкт-Петербурге: этническая самоидентификация в условиях кризиса “материнского” этноса // *Этнопсихология* (www.svlourie.narod.ru).
- Магнус и др.* 2000 – *Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А.* Эконометрика. Начальный курс. М., 2000.
- Мелконян* 2000 – *Мелконян Э.* Диаспора как исследовательская проблема (на примере армянского рассеяния) // *Диаспоры*. М., 2000. № 1/2. С. 3–24.
- Погосян* 1981 – *Погосян Л.А.* Армянская колония Армавира. Ереван, 1981.
- Соколов* 1999 – *Соколов М.М.* К истории постсоветской этничности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1999. Т. II. № 3 (www.soc.pu.ru/publications/jssa).

- Старовойтова 1987 – Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе. Л., 1987.
- Тер-Саркисянц 1998 – Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998.
- Тишков 1992 – Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. № 1. С. 5–20.
- Тишков 2000 – Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // ЭО. 2000. № 2. С. 43–63.
- Фирсов 2002 – Фирсов Е.Ю. Инварианты армянской диаспоры в российской провинции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 2. С. 113–132.
- Фирсов 2004 – Фирсов Е. Рец. на книгу: Попков В. Феномен этнических диаспор. М., 2003 // Диаспоры. 2004. № 2. С. 232–242.
- Фирсов 2004 – Фирсов Е.Ю. Социальная стратификация, этничность и этнические экономики (на примере России) // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 66–77 (www.ecsoc.msses.ru).
- Фирсов и др. 2004 – Фирсов Е., Кривушина В. К изучению коммуникационной среды российской армянской диаспоры // Диаспоры. 2004. № 1. С. 6–45.
- Armstrong 1992 – Armstrong J.P. The Ethnic Scene in the Soviet Union // The Soviet Nationality Reader. The Disintegration in Context / Ed. R. Denber. Boulder, 1992. P. 227–256.
- Dekmejian 1997 – Dekmejian R.H. The Armenian Diaspora // The Armenian People from Ancient to Modern Times / Ed. R.G. Hovannisian. N.Y., 1997. Vol. II. P. 409–436.
- Light et al. 1994 – Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy // The Handbook of Economic Sociology / Ed. N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, 1994. P. 647–671.

E. Y. F i r s o v. Studies of Armenians in Russia

The article is an attempt at analyzing the historiography of contemporary research on Armenians in Russia. The author traces the emergence of four major research approaches in the area of studies, which he calls “historical”, “quantitative-sociological”, “constructivist”, and “synergetic”. These approaches, in the author’s view, reflect to an extent the general configuration of outlooks marking contemporary ethnic studies. The historiographic analysis in the article is conducted through the prism of the author’s own view of the phenomenon of Armenian diaspora.